

Literaturovedenie. Zhurnalistika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism]. 2016. No 1.

Moskovskaya D.S. «*Ia nashel v zhizni to, chto iskal*». *Sud'ba i nasledie N.P. Anciferova* [«I have found in My Life what I looked for». N.P. Anciferov's Fate and Heritage]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word Journal]. 2017. No 2.

List of sources

Akhmatova A. *Maloe sobranie sochinenij* [Small Collected Works]. Sankt Peterburg, 2016.

Belyj A. *Nachalo veka. Vospominaniya. V 3-h kn. Kn. 2* [The Beginning of the Age. Memoirs. In 3 vols. Vol. 2]. Moskva, 1990.

Mandelstam O. *Maloe sobranie sochinenij* [Small Collected Works]. Sankt-Peterburg, 2016.

Shalamov V.T. «*Novaya proza*». *Iz chernovyh zapisej 70-h godov* [«The New Proze». From the Drafts of the 1970s]. *Novyi mir* [The New World]. 1989. No 12.

Shalamov V.T. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. In 7 vols. Moskva, 2013.

МОТИВ СИРОТСТВА В ПОВЕСТИ КЮГЕЯ ТЕЛЕСОВА «КАЙДА ОЛ ЈОЛ?» («ГДЕ ТА ДОРОГА?»)¹

М.С. Дедина

Ключевые слова: алтайская литература, Кюгей Телесов, мотив, автобиография, сиротство, повесть, образ.

Keywords: Altai literature, Kugei Telesov, motif, autobiography, orphanancy, story, image.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-06

Мотив сиротства не стал предметом специального исследования в алтайском литературоведении, несмотря на то, что в алтайском фольклоре и в литературе он является одним из постоянных мотивов. Как и ряд других алтайских писателей, относящихся к поколению «детей войны», К. Телесов регулярно обращается к темам детства и сиротства. Весь творческий путь писателя пронизывает тема одиночества, часто его постоянным героем становится ребенок-сирота.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований» и Правительства Республики Алтай в рамках научного проекта № 18-412-040008 а (р)

Личная сиротская судьба К. Телесова, как и весь комплекс психологических проблем, связанных с ней, наложили отпечаток как на его дальнейшую жизнь, так и на ощущение, осмысление и отражение окружающего его пространства. С самого раннего периода своего творчества он постоянно обращается к фактам собственной жизни и осмысливает их на всех уровнях авторского самовыражения: в автобиографических заметках, в публицистике, в художественных произведениях, а в центре мировосприятия писателя всегда присутствует ощущение обездоленности и обиженности на судьбу.

К первому изданию повести *«Кайда ол жол?»* («Где та дорога?» 1968), автор пишет предисловие – *«Автобиографиянын оордына»* («Вместо автобиографии») (Телесов, 1968)¹. Свою автобиографию К. Телесов писал три раза: в 1968, 1993 и в 1997 годах. Каждый раз он начинает повествование с упоминания о роковом стечении обстоятельств, связанных с его рождением, – он родился в 1937 году, во время Большого террора. Если в первом варианте автобиографии от 1968 года это обстоятельство передано через диалог бабушки и дедушки писателя, то в 1993 году он четко прописывает, подчеркивает эту мысль: *«Албатыга көп тубек, ый-сык эжелген 1937 жылда чыккам»* («Я родился в принесшем много горя и слез 1937 году») (Телесов, 2001, с. 179; смысл. пер. наш.).

В автобиографической заметке от 1968 года писатель обозначил те эпизоды из своего детства, которые позже станут тематической основой многих его произведений. К примеру, он вспоминает, как мать привела однажды в дом цыганку, которая разложила карты и «увидела», что вернется ее муж с фронта живым; об эпизоде возвращения солдат в село с войны, когда он, маленький мальчик, стоял около каждого из них в надежде на то, что отец узнает его (сам его не помнил, слишком мал был, когда тот уходил на войну). Эти воспоминания станут основным тематическим предикатом рассказа писателя *«Таныбаган»* («Не узнал», 1980).

Воспоминания писателя о снежных зимах, когда старшая сестра уходила в школу, а мать на работу, легли в основу рассказов из цикла «Наше село». Через всю жизнь писатель пронес боль, связанную с воспоминаниями 1946 года, когда он, восьмилетний, первый раз пошел в школу, а спустя одиннадцать дней, в сентябре, он шагал с похоронной процессией, провожая в последний путь мать. Важно то, что те ощущения, которые он впервые почувствовал в момент

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

погребения матери, сохраняются у него на всю жизнь. В автобиографической заметке от 1968 года читаем: *«Когда стали с шумом сгребать землю на гроб моей матери, вдруг в моем горле встал какой-то ком. И теперь, когда я стал уже отцом троих детей, когда случается со мной что-то трагическое, чувствую все тот же ком»* (Телесов, 1968, с. 5; смысл. пер. наш). Позже, в автобиографической заметке, датированной 1997 годом, опубликованной в сборнике *«Кубал баскан от јанында санаалар» («Мысли у костра, покрытого пеплом»)*, он публикует эту же автобиографию, но переработанную. Здесь нет уже воспоминаний ни о гадании цыганки, ни о зимних днях, когда без обуви приходилось сидеть у окна, любуясь на свой любимый огород, но сохраняется мысль о боли, связанной с уходом матери и о том коме в горле. Теперь же он поправляет себя и пишет: *«Эмди бу 6–7 баланын адазы да болуп калган тужымда, је шыралу-күч неме коруп ийгемде, ол ло болчок неме катап ла кејириме тура берер...» («Теперь когда я стал отцом 6–7 детей, если вдруг мне встречается что-либо мучительное и тяжелое, опять у меня в горле встает все тот же комок...»)* (Телесов, 1998, с. 5; смысл. пер. наш).

В автобиографической заметке 1968 года писатель сформулировал основную цель своего творчества: отразить образы своего времени и своих современников: *«<...> 37 жылда чыкканчам, бу ойлордд чыккан болзом, јүрүмниг шыралу, ыйлу јанын байла, бир де бичибес болорым. Керек дезе фотокарточказын да артырып салбаан, эмди јер-теннис болуп калган энемди, кандый бир јурукчыга чырайын айдып берзем, кеберин јурап берер деп, јаантайын иженип јүрбес эдим. Је энемниг сүрин јурадып албазам да, энеме тўгей: өлгн чабатан, уй саайтан, кунукчылду кожондор кожондоп билетен, балдарын эркеледип окшойтон Алтайдын ичинде көп јакишынак улустын јүрүмин бойымнын бичижим ажыра көргүзерим» («Если бы я родился не в 37 году, а в современное время, может быть я и не писал бы о той стороне жизни, которая полна слез и боли. Не жил бы с надеждой рассказать о своей матери (не оставившей даже своей фотокарточки) какому-нибудь художнику, чтобы он нарисовал ее портрет. Но даже если и не смогу воссоздать образ матери, то смогу изобразить в своих произведениях похожих на нее, косящих траву, доящих коров, умеющих петь грустные песни, ласкающих своих детей, живущих на Алтае женщин»)* (Телесов, 1968, с. 6; пер. наш).

Повесть «Где та дорога?», таким образом, стала рефлексией писателя на трагическое событие в его жизни (смерть матери) и средством художественного осмысления философских проблем жизни, смерти и судьбы. В центре повествования образ ребенка-сироты, рано

лишившегося матери, не знающего и не помнящего отца, который ушел на войну и погиб в жестоких сражениях за Родину.

Композиционно повесть разделена на три части и в каждой доминирует образ одного героя, описано его внутреннее мироощущение. В первой части повести главным героем стал шестилетний мальчик по прозвищу – *Янтык-Курт*¹. Повествование начинается с лирического монолога рассказчика, жителя этого же села, который вспоминает о некоем мальчике, имя которого он уже и не помнил. *«Бистинг јуртта сүүнчилү јакшы уулчак өскөн. Ол уулчак кайда барганын, нени эдип јүргенин билбезим. Је кайда ла јүрзе, нени ле этсе, ол алдындагы ла бойы – шулмус, сүүнчилү болор. Ол уулчактын чын адын ундып салдым. Је беш-алты јашка једип келерде, улус ого Јантык-Јурт деп чоло ат адагылаган эди»* («В нашем селе рос веселый хороший мальчик. Что с ним стало, кем он сейчас стал – я не знаю. Но где бы он ни был, чем бы ни занимался, наверняка, он все такой же смысленый и задорный. Я забыл его имя. Но когда ему было пять-шесть лет люди дали ему прозвище Дянтых-Курт») (Телесов, 1968, с. 7; смысл. пер. наш). Рассказчик отмечает, что *«прозвище человеку дается отнюдь не случайно»* (Телесов, 1968, с. 7; пер. наш).

Автор нарочито тщательно прописывает образ ребенка, выделяя своего героя среди других детей. Это наблюдается, прежде всего, во внешности мальчика: *«Алтай балдар кап-кара көстөрлү, кап-кара чачтарлу болотон эди. Је Јантык-Курттын чачтары сап-сары, саамайлары сап-сары, костөри чап-чанкыр болгон. Көстөринде бир де кедер јок, бир де өчөш јок, бир де төгүн јок – ап-ару»* (Телесов, 1968, с. 8) («Алтайские дети обычно черноглазые, черноволосые. У Дянтых-Курта же волосы были желтые, а глаза голубые и чистые: ни озорства в них, ни хитрости, ни лукавства») (Телесов, 1977, с. 4; пер. Я. Мустафина). Всем своим видом, своим мягким и послушным характером он притягивал к себе людей, становясь, таким образом, «всеобщим» ребенком, дитем рода. *«Мындый сөсуккур јакшынак баланы улус бойына теп-тегине ле, јүк көзин де көрүп аларга кычырып алатан эди»* (Телесов, 1968, с. 8). («Нередко люди подзывали его к себе просто так, чтобы полюбоваться его глазами») (Телесов, 1977, с. 8; пер. Я. Мустафина).

¹ *Янтык-Курт* (Дянтых-Курт) с алтайского языка переводится как «бокоплав» – мелкое ракообразное членистоногое животное, обитающее в пресноводных источниках). Если рассматривать лексическое значение имени, то «*јантык*» – в одном из лексических вариантов значения рассматривается как «косой, кособокий, скривившийся набок» [Алтайско-русский словарь, 2018, с. 184], а «*курт*» – это «червяк».

Эту идиллическую картину безоблачного детства прерывает внезапная беда – тяжело заболела, слегла и умерла мать Дантык-Курта. От ребенка скрывают правду и говорят, что его мать уехала гостить к своим родственникам в далекую деревню. С одной стороны, здесь отражены традиционные народные ритуально-похоронные табу: *«По традиционным представлениям алтайцев со смертью заканчивается жизнь только в этом мире, но она продолжается в мире предков. Информанты называют его как “ада-оббөкөниг жери” – “мир предков”, “айлу-күндү ол Алтай” – “луно-солнечный тот Алтай”, “ол жер” – “та земля”»* (Тадышева, 2017, с. 103–104). С другой – и это автором вложено в уста бабушки мальчика – здесь присутствует и понимание того, что это горе может нанести непоправимый вред неокрепшей психике ребенка. Бабушка Динди в своем обращении-монологе к умершей невестке проговаривает свою тревогу и боль: *«Јаш тужсында жүрегин шыркалазанг, бала јажына кенеп калар ине. Онынг учун сени саказын, энем бар деп сүүнип, көөрөп жүрзин»* (Телесов, 1968, с. 16). *«Хорошо ли это, плохо – пусть рассудит бог. Поранишь маленькому сердце, искалечишь всю жизнь. Пусть лучше ждет тебя, радуется и надеется, что есть у него мама»* (Телесов, 1977, с. 20; пер. Я. Мустафина).

Ребенок скучает по матери, и это чувство, испытанное самим автором в детстве, вдруг оживает в ощущениях его героя. Что бы ни делал Дянтык-Курт – все ему напоминает о матери:

«Эмди Јантык-Курттын көзине не ле көрүнзе, јангыс ла энези сагыжына кирет. Туку кырландагы ажып брааткан койлорын көрөлд: “Койлорын ырагалакта барып бажын јандыркый, балам” – деген, энезинин эрмеги де угулат ошкош. Буулап салган бозузын көрөлд: мойчозынанг энем тудатан эди. Уйдөбөн кирерге эжиктин тутказын тудуп: мынанг энем тудатан эди. Терге-кирге карарып калган эжик тумчугынын јанына једеле: эмеш-эмеш энезинин јыды бар ошкош» (*«Что бы не увидел Дянтык-Курт, все ему напоминает о матери. Посмотрев вон на тех овечек, переходящих за холм, он будто слышит слова матери: “Иди поверни овечек, сынок, пока они далеко не ушли”. Смотря на привязанного теленка, думает: его веревку на шее держала мать. Взявшись за ручку коровьего хлева, вдруг понимает: за эту ручку бралась мать. Приблизив нос к почерневшей от жира двери, он будто чувствует запах матери»*) (Телесов, 1968, с. 11; смысл. пер. наш).

«Эмди Јантык-Курт чамказынын үстүне чалкойто јадып алган, кендирдинг бажын макалу чайнап јадыры. Бу мындыј јакшынак өйдө ло бойынын чайнаган табыжын угуп ийди. “Энем арба куурганда,

кыдырт-кыдыр этире чарак чайнайтан эдим” («Теперь Дянтък-Курт, лежа на своей рубашке, с удовольствием жуёт семена конопли. В такой прекрасный момент он, услышав потрескивание зерен на своих зубах, он вдруг вспоминает: “Когда мама жарила ячмень, я так жевал чарак¹”») (Телесов, 1968, с. 14; смысл. пер. наш).

Или:

«*Жожон адын јырс берип ийерге камчызын өрө көдүрүп ле жүргенче, төжиндеги өрүлү тискин күнге жалтырт эде берди. “Энем бажсын јунала, өрүп алганда, база ла мынайда мызылдап туратан эди. Энемниг јыды да јытанатан”. Јантык-Курт мынайда сананып ла ийеле, эки колдоп тискинди туткалакта ла эдегиндеги кендирбаши јылангаши буттарына черткилеп, таркырай берди. Ол анайда токпок ошкош адынын үстүне уза-ак – уза-ак турды. Кере түжүне иштейле, арып-чылап калган улус атттын үстүне канайып корчойо отуруп алатан эди. Је бот Јантык-Курт бажсын тыртыйтып ийген, эки көзин өрүлү “тискиннег” албай, араай јортуп ийди». («Только он хотел ударить плеткой своего нерадивого “коня”, как вдруг блеснули у того на “зруди” плетенные удила. “Когда мама помоеет голову, так же блестящие ее волосы. И запах ее слышался”. Только он так подумал и не успел взяться двумя руками за удила, как с шумом посыпались из подола рубашки на его босые ноги зерна конопли. Он до-олго – до-олго сидел на своем деревянном коне. Так, немного скорчившись, сидят люди, работавшие целый день и уставшие. Ну вот, наконец, немного скосив голову на бок, не сводя глаз с удил, Дянтък-Курт тронулся в путь»») (Телесов, 1968, с. 14; смысл. пер. наш).*

Повсюду ему видится мать, все о ней напоминает. Он живет у бабушки Динди, но постоянно возвращается домой, осматривает хозяйство, заботится о сохранности огорода... Тем трагичнее становится отъезд Дантык-Курта, этого всеми любимого мальчика, в детский дом. «*Јантык-Куртты үйдешкен улус баштарын түжүргилеп алган јолдын ичинде тургулап калды. А Јантык-Курттын јангыган күски теректинг јалбырагы ошкош алаканы тардайдын үстинен кызгандап-кызандап калды»* (Телесов, 1968, с. 18). («*Провожавшие Дянтък-Курта остались стоять на дороге, опустив головы. Мальчонка, улыбаясь, махал им рукой. Ладонь Дянтък-Курта долго трепетала в воздухе, как одинокий красный листок на осеннем тополе»*) (Телесов, 1977, с. 22; пер. Я. Мустафина).

Автор-рассказчик постоянно прерывает свое повествование лирическими отступлениями. И на этот раз, обращаясь к своему

¹ Чарак – жареное зерно.

маленькому герою, он говорит: *«Кару, экем, мен билбезим оны. Бу карарып јаткан јол – ол ончобыстын јолы. Та ырыс экелер, та шыра экелер – билбезим, экем. Је сеге сок јангыс күүнзегеним: бир де кедер јок, бир де өчөш јок, бир де төгүн јок, шил ошкош ап-ару көстөринг артабызын, экем. Өскөн јеринди јажыл јайдын ичинде јынкылдаган күүктин үнин ундыбай јүр, экем. Бу јолды, јалакај јаашка карарып калган бугулдарды салган улусты база ундыба, экем. Јүрүмде индигип јыгылзан – ыйлаба, олор сеге ачынар. Јакшы болзын, јакшы јүр, кару экем! / Ундыба, ундыба, ундыба!!!»* (Телесов, 1968, с. 18). (*«...Милый, дорогой мой мальчик! Эта черная дорога – наша общая дорога. Счастье или горе она тебе принесет – не знаю. Одно у меня пожелание тебе, мой милый: пусть ничего не замутит твои чистые, как роса, глаза, в которых нет ни хитрости, ни лукавства. Но никогда не забывай, мой милый, звонкого голоса кукушки в середине зеленого лета в родном краю. Помни эту дорогу, где бы ты ни был, помни тех людей, которые собрали от ласкового дождя почерневшие конны сена, не забывай и неба, хотя оно и одно, но родней, чем над твоим домом нет, мой милый. Споткнешься в жизни не плачь, тебе всегда подадут руку участия добрые люди, но если в славе будешь купаться, то не зазнавайся, этим ты оттолкнешь близких тебе людей. До свидания, счастливой тебе дороги, мой милый! Не забывай, не забывай, не забывай!!!»*) (Телесов, 1977, с. 23; пер. Я. Мустафина).

Основной темой повести становится поиск дороги, восходящий к мотиву пути. В ранних повестях для К. Телесова характерно понимание пути как бездорожья. Бездорожье у него символизирует недетерминированный индивидуальный выбор, разрушающий вековые устои. Например, в повести «Следы на камне» Урмат, как и Дянтък-Курт в повести «Где та дорога», уходит по большой черной дороге, что у К. Телесова всегда понимается как движение навстречу к новой жизни. Дорога присутствует здесь в амбивалентном значении: во-первых, это реальная дорога, связывающая конкретные точки линейного пространства, во-вторых, это мифологический путь.

Герой К. Телесова всегда на перепутье, в поиске своего, наиболее верного пути. Эта мысль автора в повести «Где та дорога?» проговорена автором-рассказчиком через обращение к своему герою: *«Милый, дорогой мой мальчик! Эта черная дорога – наша общая дорога. Счастье или горе она тебе принесет – не знаю <...> Помни эту дорогу, где бы ты ни был; помни тех людей, которые провожали тебя, малыша, в дальний путь; не забывай и неба, хотя оно и одно, но родней, чем над твоим домом, нет, мой милый...»* (Телесов, 1977, с. 34). «Не забывай» – вот основная мысль писателя, которая станет

доминантой всего его творчества. Дорога в большую жизнь из своего родного пространства, называющегося малой родиной, ведет к большой жизни, такой незнакомой и разной. Большое пространство для людей малого социума чуждо, но не враждебно – оно непредсказуемо, способно изменить человека в любую сторону. Основным критерий для сохранения живой человеческой души – это память. Утративший связь с родной землей и людьми, по мысли писателя, не может быть полноценным человеком» [Дедина, 2016, с. 187].

Отправившая в детский дом внука Динди, оставшись одна, понимает, что совершила роковую ошибку. Тот факт, что она не решилась оставить своего любимого внука, во-первых, объясняет и пытается оправдать она сама. Она жалуется на свое здоровье и говорит, что не может взять на себя такую ответственность. Во-вторых, объяснение этому поступку Динди, возможно, прописано в уже упомянутом автобиографическом предисловии автора, где он вспоминал, что живя в интернате, он даже радовался, что был сиротой: *«Ол тужунда мен өскүс болгоньма коркушту сүүнип туратан эдим. “Өскүс балдар” деп, биске жангы кийим берер. А яс келгенде, будыска жангы ботинкалар кемјип туратаньс. Ада-эзелү деп турган балдар көм өдүктү кургак јер бедиреп басканда, а бис өкүстөр агып јаткан јаскы суунын үстиле шайтылдада базьп, сүүнчилү барьп јадатан эдис»* («В то время я очень радовался, что был сиротой. Нам, как “детям-сиротам” давали новую одежду. А с приходом весны мы примеряли новые ботинки. В то время, пока дети, у которых были родители, в кожаных самодельных сапогах искали сухое место, чтобы не промочить ноги, мы, сироты, весело шагали прямо по весенним ручейкам») (Телесов, 1968, с. 6; смысл. пер. наш). В послевоенное время материальное обеспечение ребенка, отданного на попечение государства, было хорошим, и, возможно, бабушка Динди пожелала лучшей доли своему внуку. Однако все же отъезд Дантык-Курта в детский дом становится событием трагическим не только для нее, но и для всего села, все чувствуют свою вину перед этим несчастным ребенком.

В традиционном мировоззрении алтайцев отсутствие детей в семье считалось большим несчастьем, и с этим связан ряд обычаев и обрядов, направленных на их выпрашивание. *«В народе бытует убеждение, что когда супруги долгое время не могут иметь детей, то они должны взять на воспитание детей. Раньше брали у многодетных родственников, сейчас из детских домов, следствием этого было рождение у них собственных детей»* [Тадышева, 2011, с. 103]. Кроме

того, в повести Дантык-Курт является единственным ребенком в семье, и у алтайцев к таким детям было особое отношение. *«К единственным в семье детям окружающие относились благоговейно, обычно ни в чем им не отказывали, не ругали, редко подвергали наказаниям»* [Дьяконова, 2001, с. 150]

В этом контексте отказ от воспитания внука и отправка его в детский дом становится событием, идущим вразрез с традиционными представлениями народа. Автор не осуждает Динди за данный поступок, поскольку здесь, безусловно, необходимо учитывать исторический контекст, когда в послевоенное время было очень много сирот, воспитывающихся в детских домах. Интересно, что, когда Динди отдавала внука в детский дом, сын ее был жив и воевал на фронте.

Для Динди одиночество становится нестерпимым испытанием, она безуспешно пытается восполнить эту пустоту. Если днем еще как-то можно «убить время», то с приходом ночи ощущение тоски усиливается, и до рассвета она не смыкает глаз, ожидая утра, чтобы отправится в гости к кому-нибудь из односельчан. Потерю вкуса к жизни писатель описывает через несколько деталей, психологически очень точно передающих состояние Динди. Это нечесаные месяц волос, переполненная перекишим чегенем¹ фляга. Раньше Динди считалась одной из лучших хозяек, у которых емкость с чегенем всегда была идеально ухожена, а напиток всегда был вовремя обработан. Никто не умел с большим умением принимать и угощать своей арачкой² гостей. *«А ведь было время, когда она одной спичкой могла разжечь любые дрова, могла оседлать любую лошадь. А чеген она готовила лучшие и быстрее всех на селе. Арака в ее доме была самая крепкая и приятная. Легкая на руку, быстрая на ногу – такая была бабушка»* (Телесов, 1977, с. 24–25; пер. Я. Мустафина).

Событием в ее безрадостной жизни становится письмо, пришедшее умершей невестке от ее сына с фронта. Здесь она проявляет себя как психолог: мать тонко чувствует состояние сына-солдата, воюющего на фронте. Она в очередной раз идет на компромисс со своей совестью, на обман, и пишет сыну от имени его умершей жены и сына, отправленного в детский дом. Не может она сообщить ему о страшной беде, случившейся в его доме, о том, что нет у него больше семьи. Она просит написать письмо Амыра, местного учетчика (мало было в селе грамотных), якобы жена Чылбака, Кара,

---

¹ Чеген – кисломолочный напиток.

² Арака – молочная водка.

научилась грамоте (ведь природная скромность не давала возможности продиктовать чужому человеку всего, о чем хотелось сказать) и написала сама своему мужу о том, как она его любит, как скучает и как ждет. В конце письма Динди рисует ладошку соседской девочки – Далбырак, якобы это ручка Дянтък-Курта. С этим обманом и погибает сын, внезапно настигнутый пулей снайпера, с письмом в руке и со счастливым чувством мира и покоя в своем доме.

После получения похоронки на сына Динди будто прозревает, она понимает, что осталась совсем одна – осиротела. Последняя надежда на то, что вернется сын и восполнит ту ненавистную пустоту в ее жалком существовании, исчезла и она решается на последний отчаянный шаг – вернуть внука. Писатель точно и тонко рисует ее психологическое состояние, близкое к отчаянию, и возможно, возвращение внука стало бы для нее спасением. Как она уговаривала ямщиков, совала им меховой тулуп и просила их, завернув в него, привезти Дянтък-Курта. И мы видим ее ожидание, такое мучительно долгое, длившееся три дня. Наконец, она, на четвертый день сварила картошки, сделала быштак¹ и долго стояла у дороги, встречая обоз ямщиков. В переводе Я. Мустафина это звучит так: *«Прошло уже три дня, а мужики все не возвращались. На четвертый день бабушка Динди приготовила творог, нажарила картошку и пошла на дорогу. Уже в сумерках закрипели телеги, послышалось фырканье усталых лошадей. Промерзшая, но счастливая бабушка Динди встала на обочине дороги, попустила первую, вторую, третью, и только пятая таратайка остановилась и рябой мужик молча бросил бабушке под ноги шубу»* (Телесов, 1977, с. 33, пер. Я. Мустафина). Внука увезли не то в Ойрот-Туру, не то в Барнаул (для бабушки, никогда не покидавшей своего села, это недосыгаемое пространство, непостижимая даль). Чуда не произошло и дальше жить сил у нее больше нет. Её глубокое одиночество писатель подчеркивает только одной фразой: *«Јолдын кырында артып калган некейи эмес болзо, бир де недеде кижии кӧрбӧй, бууда турар эди»* («Если бы не шуба, оставшаяся у дороги, и неделю бы провисел человек на веревке») (Телесов, 1968, с. 26, смысл., пер. наш).

В третьей части повести, которая отсутствует на русском языке в переводном варианте, центральным становится образ маленького мальчика Койонока². Он тоже сирота, но в отличие от Дянтък-Курта, бабушка его не отдала в детский дом, и воспитывает после трагической

---

¹ Быштак – пресный жирный сыр.

² Койонок – букв. «зайчик».

гибели дочери сама. Писатель подчеркивает сходство этого ребенка с Дяntyк-Куртом, оно наблюдается как в судьбе, так и во внешности. Односельчане прозвали Койонока Агрономом из-за того, что он не мог справиться со своей лошадыо, которая, не считаясь во всадником, повадилась забредать на колхозное поле лакомиться яровым овсом. Дяntyк-Курт в этой же части повести возвращается в родное село после обучения в институте, приобретя профессию агронома.

Писатель не случайно в третьей части повести вводит лирическое отступление о том, как поменялась жизнь в деревне. Теперь самыми главными, уважаемыми людьми стали учителя и врачи, а агроном – это врач земли. Когда-то беспомощный осиротевший Дяntyк-Курт, сначала потерявший мать, а затем и свой род, нашел свою дорогу в большой жизни и вернулся к себе на родину уже в другом статусе. Он агроном, взрослый и серьезный человек, однако в его душе живет все тот же ребенок, и боль от утраты оставила отпечаток на всей его жизни. А судьба Койонока будет совсем другой, поскольку, по мысли, писателя, он изначально счастливее Дяntyк-Курта. И прежде всего важно то, что ему посчастливилось родиться в другое время и судьба его, пусть и жестокая, оставившая его сиротой, обязательно сложится иначе, чем у нового агронома, Дяntyк-Курта. Койонок – это, как подчеркивает К. Телесов, человек нового времени.

Итак, в повести «Где та дорога?» К. Телесов осмысливает тему судьбы. В его повести, как и в его творчестве в целом, основой стали автобиографические детали, предопределившие концептуальную идею художественного мира писателя. Центральным камертоном его повести, а позже и большинства произведений, стал мотив сиротства, а тональность всему его творчеству придало ощущение обездоленности и обиды на судьбу.

Литература

Грязнова А.Ю. «Искать дороги друг к другу»: сиротство и родство в прозе Андрея Платонова. Воронеж, 2014.

Дедина М.С. Основные способы миромоделирования в прозе Кюгея Телесова // Язык и культура алтайцев: современные тенденции развития. Горно-Алтайск, 2016.

Дьяконова В.П. Алтайцы (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001.

Тадышева Н.О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2011.

Тадышева Н.О. Современный похоронно-поминальный обряд тюрков Саяно-Алтая (алтайцев, хакасов и тувинцев) архаические культы и новации // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18).

Список источников

- Алтайские писатели: Юбилейные материалы и автобиографии. Горно-Алтайск, 2001.
- Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018.
- Телесов К.Ч. В этюдах мои знакомые. Горно-Алтайск, 1993.
- Телесов К.Ч. Девушка из голубой долины. М., 1977.
- Телесов К.Ч. Кайда ол жол? (Где та дорога?). Горно-Алтайск, 1968.
- Телесов К.Ч. Кубал баскан от жанында санаалар. Горно-Алтайск, 1997.

References

- Gryaznova A.Yu. «*Iskat' dorogi drug k drugu*»: *sirotstvo i rodstvo v proze Andreya Platonova* [«Search for ways to each other»: Orphanhood and Kinship in the Prose of Andrey Platonov]. Voronezh, 2014.
- Dedina M.S. *Osnovnye sposoby miromodelirovaniya v proze Kyugeya Telesova* [The Main Ways of World Modeling in the Prose of Kyugay Telesov] *Yazyk i kul'tura altaytsev: sovremennye tendentsii razvitiya* [The Language and Culture of the Altaians: Current Trends]. Gorno-Altaysk, 2016.
- D'yakonova V.P. *Altaytsy : Materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya*. [Altaians (Materials on the ethnography of the Telengits of Gorny Altai)]. Gorno-Altaysk, 2001.
- Tadysheva N.O. *Vliyaniye khristianizatsii na semeynyuyu obryadnost' koremnogo naseleniya Gornogo Altaya* [Influence of Christianization on the Family Rituals of the Indigenous Population of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk, 2011.
- Tadysheva N.O. *Sovremennyy pokhoronno-pominal'nyy obryad tyurkov Sayano-Altaya (altaytsev, khakasov i tuvintsev) arkhaischeskie kul'ty i novatsii* [Modern Funeral and Memorial Rites of the Sayan-Altai Turks (Altaians, Khakas and Tuvans) archaic cults and innovations] *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2017. № 4 (18).

List of sources

- Altayskie pisateli: Yubileynye materialy i avtobiografii* [Altai writers: Anniversary materials and autobiographies]. Gorno-Altaysk, 2001.
- Altaysko-russkiy slovar'* [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018.
- Телесов К.Ч. *V etyudakh moi znakomye* [In Sketches, My Friends]. Gorno-Altaysk, 1993.
- Телесов К.Ч. *Devushka iz goluboy doliny* [The Girl from the Blue Valley]. Moskva, 1977.
- Телесов К.Ч. *Kayda ol jol? (Gde ta doroga?)* [Where is That Road?]. Gorno-Altaysk, 1968.
- Телесов К.Ч. *Kubal baskan ot janynda sanaalar (Misli w ognia, pokritogo peplum)* [Thoughts by a Fire Covered in Ash]. Gorno-Altaysk, 1997.